

ТИТАН (вместо пролога)

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1209

(1009)

Валерий Деллин

БАКУНИН

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2006

---

*Существует только один-единственный догмат,
один-единственный закон,
одна-единственная мораль — СВОБОДА.*

Михаил Бакунин

Я думаю, что Бакунин родился под кометой.

Александр Герцен

Займем огня у Бакунина!

Александр Блок

Его громогласный рык слышали Россия и Германия, Чехия и Италия, Швейцария и Франция, Швеция и Нидерланды, Бельгия и Япония, даже Панама. Его львиная грива мелькала в Москве и Петербурге, Твери и Томске, Иркутске и Николаевске-на-Амуре, в Кяхте на границе Китая и в японской Иокогаме, в Берлине и Брюсселе, Флоренции и Неаполе, Сан-Франциско

и Нью-Йорке, Лондоне и Ливерпуле, в Париже, Копенгагене, Женеве, Цюрихе, Берне, Болонье, других больших и малых городах. Его исполинский силуэт Ильи Муромца видели штабы восстания и баррикады в Праге и Дрездене, Лионе и Болонье, его могучее тело едва вмещали одиночные камеры Алексеевского рavelина и Шлиссельбургской крепости. Перед его железной логикой и утонченной диалектикой склоняли головы профессиональные политики и выдающиеся философы. Его вдохновенная убежденность, страстные воззвания и речи, которые он произносил на восьми языках, магически действовали на людей, превращая их в бойцов, готовых идти на смерть ради идеалов революции. Ему рукоплескали рабочие и повстанцы, ремесленники и студенты, музыканты и рыбаки.

На разных этапах богатой потрясениями жизни его любили Белинский и Тургенев, Герцен и Огарев, Рихард Вагнер, Виктор Гюго, Джузеппе Гарибальди, Джузеппе Мадзини, властительница женских дум Жорж Санд и знаменитый географ Элизе Реклю (хотя не во всех случаях эта любовь выдержала испытание временем). Его считали своим славянофилом и западниками. Константин Аксаков посвятил ему балладу, Тургенев писал с него Рудина, Вагнер — Зигфрида, Достоевский — Ставрогина (так во всяком случае полагают многие литературоведы). Александр Блок в статье, посвященной 30-летию со дня смерти «отца анархии», назвал Бакунина «одним из замечательнейших распутий русской жизни» и еще сказал: «О Бакунине можно писать сказку»; «...сидела в нем какая-то пьяная бесшабашность русских кабаков. Мощная фигура Бакунина попросту не вписывалась в строгие рамки чопорной Европы».

Блоку вторил Николай Бердяев: своего знаменитого соотечественника, ставшего «гражданином мира», «русского барина, объявившего бунт», он считал ярчайшим представителем славяно-русского мессианизма, сравнивал Бакунина с античным богом Дионисом, а русский анархизм в целом с дионисийским оргиастическим культом (более того, назвал анархию «революционным дионисийством»). Наконец политический антипод антигосударственника Бакунина (хотя бы потому, что стал первым президентом первого независимого Чехословацкого государства) — Томаш Масарик в своем трехтомном труде «Россия и Европа» назвал русского бунтаря и анархического идеолога мировой революции гением. Когда же в 1895 году появилась горьковская «Песня о Соколе», кто-то из пронзительных критиков сразу и верно подметил, что первым, к кому следует отнести знаменитый рефрен «Безумству храбрых поем мы песню», должен быть Бакунин. Позже Максимилиан Волошин скажет о «конгениальном родстве» Бакунина с протопопом Аввакумом и назовет «провозвестника мирового пожара» символом революционной России: «<...> Бакунин / Наш истый лик отобразил вполне. / В анархии все творчество России: Европа шла культурой огня, / А мы в себе несем культуру взрыва».

Он стал предтечей «философии бунта», расцвет которой пришелся на XX столетие и которая выразилась в отчаянных акциях протеста студентов против государственных устоев на улицах Парижа и других городов, а также в террористических акциях «красных бригад» против «лакеев и прихвостней буржуазии» по всей Европе. Идею и философское кредо Михаила Бакунина было доведено до логического конца французским экзистенциалистом Альбером Камю, в соответствующем духе перефразировавшим известный афоризм Декарта: «Бунтую — следовательно существую». Сегодня идеи Бакунина питают «антиглобалистов».

С Бакуниным не смогли совладать вожди Первого интернационала — Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Его боялись русские цари Николай I и Александр II, австрийский император Франц Иосиф, короли Пруссии и Саксонии, палач Парижской коммуны Адольф Тьер, ставший президентом Франции, другие правители тогдашней Европы. Судьба человека титанического склада всегда трагична. Человек-титан не похож на обычных людей — он выше их, по крайней мере, на две головы и опережает всех, двигаясь вопреки всему только вперед семимильными шагами. Основная масса обывателей считает таких подвижников в лучшем случае людьми «не от мира сего», как правило же — одержимыми и ненормальными.

При жизни Бакунина называли «отцом анархии», хотя корни анархизма как такового уходят в глубокую древность (в числе первых «анархистов» называют китайских даосов, в частности Лаоцзы, древнегреческих философов Сократа, Диогена и других античных киников), а крупные теоретики анархизма были известны и до Бакунина (например, англичанин Годвин, француз Прудон и немец Штирнер). Однако еще чаще его именовали «апостолом свободы». В историю же человечества он вошел как великий Революционер (один из немногих, чье звание действительно с большой буквы). В XX веке он мог бы вполне стать всеевропейским Панчо Вильей или русским Че Геварой.

Многочисленные недруги и оппоненты Бакунина в своей безапелляционной критике акцентировали обычно внимание на его антигосударственной позиции (уводя тем самым обсуждение проблемы в иную плоскость или, как говорят логики, совершая подмену тезиса). В действительности ключевым понятием философии Бакунина было единственно священное для него слово «СВОБОДА» (а уже отсюда вытекало все остальное). Безусловно, многие из его идей оказались утопичными, почти ни одну из них не удалось довести до положительного результата. Тем не менее Бакунин стал звездой первой величины в истории мирового революционно-освободительного движения и несостоявшегося объединения славянства. Без его идей история мировой мысли и философии была бы менее интересной. Без его мощной, колоритной фигуры картина европейской жизни XIX века выглядела бы намного бледнее. Он привнес в нее то, что не мог привнести никто другой, — славянскую отзывчивость и широту русской души...

Версия #2

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 30 июня 2025 18:23:43

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 30 июня 2025 18:40:23